

◆

**МАССОВЫЕ ПРОТЕСТЫ
В МОСКВЕ: ВЗГЛЯД
ЭКОНОМИСТОВ**

Во втором номере журнала «Вопросы экономики» за 2012 г. опубликована заметка А. Яковлева «Массовые протесты в Москве сквозь призму исторических аналогий». Предварительный вариант работы был направлен для обсуждения ряду известных российских ученых и специалистов. Предлагаем вниманию читателей сокращенную версию состоявшейся заочной дискуссии, затронувшей более широкий круг вопросов.

В. М. Полтерович (академик РАН, ЦЭМИ РАН, МШЭ МГУ имени М. В. Ломоносова). В ряде своих работ, опираясь на книгу Дж. Нотта и Дж. Миллера¹, я попытался провести историческую аналогию между коррупционными ловушками в США XIX в. и в современной России. Моей целью было показать, что становление гражданского общества — один из возможных механизмов выхода из такой ловушки. В США она возникла в результате политической либерализации, и потребовалось около 70 лет, чтобы в основном преодолеть сложившуюся ситуацию. Возможно, у нас это займет меньше времени. Но даже если Россия вдруг станет «совсем чистой» страной (как Чили), вряд ли мы сможем только за счет этого решить главную проблему — преодолеть наше двух-трехкратное отставание от развитых стран. Не вполне ясно даже, будут ли политические реформы способствовать решению задачи догоняющего развития (в XIX в. США отставали от Англии, но не «в разы»).

¹ См.: Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3; Он же. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007; Knott J. H., Miller G. J. Reforming Bureaucracy: The Politics of Institutional Choice. Prentice-Hall, 1987.

Беда российской либеральной оппозиции, организующей массовые протесты (и «либерал-технократов» в правительстве), в том, что они способны предложить лишь прямолинейное заимствование западных институтов, а это почти всегда оборачивается крайней неэффективностью. Примеров тому несть числа. Из недавних по времени — монетизация льгот, ЕГЭ, закон о госзакупках и т. д., и т. п.²

Если не удастся разработать эффективную стратегию развития страны, то можно заняться более рутинной, но тоже нетривиальной работой по развитию гражданского общества: созданию сети неправительственных некоммерческих организаций в разных сферах общественной и деловой жизни. Именно так США выбирались из коррупционной ловушки.

«Болотная» хороша, пока она маргинальна. Замечательно, что происходит десакрализация власти, и официальные лидеры уже вынуждены считаться с возможной конкуренцией. Но победившее «Нетерпение» (по Трифонову), торжествующие «Бесы» (по Достоевскому) ничего, кроме дополнительных бед, России, как, впрочем, и Украине и другим отстающим странам, не принесут.

Б. В. Кузнецов (НИУ ВШЭ). Поиск исторических аналогий для объяснения текущих событий — распространённый, естественный и вполне научный подход. Вместе с тем, как хорошо известно, исторические аналогии, особенно при сравнении разных стран и эпох, почти всегда «хромают». Даже если мы считаем практически одномоментные кейсы «арабской весны» явлениями одного порядка, то, вполне вероятно, это всего лишь следствие недостатка информации. Углубленный анализ может показать, что события в Тунисе, Ливии и Египте не столь схожи.

В силу недостаточного знакомства с историей США я не могу должным образом оценить приводимые в статье

² Я не утверждаю, что ЕГЭ или аукционы при распределении госзаказов не нужны в принципе, проблема в том, как их внедрять.

А. Яковлева аналогии с движением «прогрессистов», но полагаю, что в истории этой и других стран можно найти немало событий, внешне похожих на недавние российские: например, мирные марши Мартина Лютера Кинга в США или события февраля 1917 г. в России — тоже почти бескровные, движущей силой которых были далеко не только рабочие массы, но и представители интеллигенции и буржуазии. Нынешние события также инспирированы недовольством, неэффективностью, коррумпированностью и авторитарностью режима. Возникает желание объяснить, например, последние события в Москве продолжением буржуазной революции, которая так и не завершилась в нашей стране. Впрочем, в России у революций «есть начало, но нет конца». Конечно, любые аналогии — лишь повод для разговора о наболевшем, своего рода удобный язык, набор понятий и символов для структурирования проблемы. Однако использовать «чужой язык» для описания нового явления довольно опасно. Здесь требуется особая осторожность.

Легко согласиться с тезисами статьи, где автор показывает различные «несовпадения». Конечно, российские события — не «арабская весна», не «цветная революция» (пока), не 1920-е годы. Этот перечень можно продолжить: не студенческие волнения в Европе 1960-х годов, не греческие волнения 2011 г., не события в Новочеркасске в июне 1962 г. и т. д. Разные условия, разный состав протестующих, разные требования. Пожалуй, их объединяет лишь базовое недовольство определенной, достаточно большой части граждан властью, устройством государства и общества, выплеснувшееся в массовые стихийные действия. Эта «явность», видимость протеста выступает его важнейшей чертой, поскольку делает очевидным для всех, включая и общество, и власть: «Неладно что-то в Датском королевстве». Хотя все знали о наличии протестного потенциала в современном российском обществе, тот факт, что он реализовался в явной форме, не просто символичен, но может свидетельствовать о качественных изменениях. Итак, народ больше не безмолвствует.

Естественно, хочется понять, кто собрался и чего, собственно, требует. Согласен, что фальсификация выбо-

ров — не более чем формальный повод, объединяющий людей с очень разными воззрениями, дающий возможность выплеснуть протест в «легитимной» форме.

Конечно, это в основном «Москва-златоглавая». Кроме крестьянских бунтов, все протестные движения в России по очевидным причинам начинались в столице. Чего хотят протестующие? Формально — честности. А по существу? В целом, несмотря на пестроту состава собравшихся, мы услышали «крик души» сравнительно молодой и сравнительно образованной части населения, которая не находит себе места в той экономике, в том обществе и в той стране, которые формируются в России в последнее десятилетие.

Я не знаю, многие ли из тех, кто вышел на митинги, всерьез верят, как автор статьи, что стоит только дать власти сигнал, и она начнет меняться, активизируется «внутренняя» правительственная оппозиция в лице «джентльменов-реформаторов», и все улучшится. Думаю, явное меньшинство. А остальные больше не хотят чувствовать себя обманутыми.

И еще. Действительно ли прошедшие выступления — «восстание российского среднего класса», о чем так много говорят в последнее время? Мне кажется, это неправильно с точки зрения терминологии. Во-первых, среди их участников не так много собственно представителей среднего класса — состоявшихся материально и статусно. Скорее это были представители «протокласса», люди, которые хотели бы и могли бы стать таковыми в других условиях. Во-вторых, пока в России этот «класс», несмотря на все попытки его «досчитать и доценить», смягчая критерии отнесения к нему, — только прослойка.

Теперь о сути конструктивных предложений, изложенных в статье Яковлева. Что ж, попробуем призвать власть (еще раз) к диалогу, развитию самоуправления (что, скорее всего, снова выльется в обычное перераспределение ответственности «вниз» без передачи ресурсов). Потребуем от бюрократов честности, служения людям. Может, послушают? И хотя вслед за Станиславским очень хочется сказать «Не верю!», хуже точно не будет. Может быть, в социальных процессах действует не только третий закон Ньютона (о силе действия и противодействия), но и второй: «Изменение

количества движения пропорционально приложенной движущей силе и происходит по направлению той прямой, по которой эта сила действует». И уж точно действует первый: «Всякое тело продолжает удерживаться в состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменить это состояние».

В. В. Попов (РЭШ). Согласно распространённому мнению, главное противоречие современной России — между желаемой честности оппозицией и властью, которая фальсифицирует выборы. Мне кажется, это ошибочное представление, навязанное СМИ. Главное в том, что власть гораздо правее и более космополитична, чем 95% электората. На правом фланге нет никого, кроме «Яблока» и СПС, которые даже с фальсификацией в их пользу вряд ли набрали бы больше 5% голосов. Власть пытается помочь правым (попытка создать правую партию под руководством М. Д. Прохорова). Все-таки власть должна быть посередине, а не на крайнем правом фланге.

Если фальсификации и были, то, видимо, против коммунистов и ЛДПР (фальсифицировать против «правых» — овчинка выделки не стоит). Значит, без фальсификации ЕР получила бы, скажем, 30%, коммунисты — 30, жириновцы — 20%? И на президентских выборах победили бы Зюганов (президент) с Жириновским (№ 2 в команде)? В общем, как с «арабской весной» — поддерживаем демократию, получаем «братьев-мусульман» с салафитами. При этом коммунистов поддерживают все больше образованные — на выборах в МГУ, Физтехе, Новосибирском академгородке они получили больше голосов, чем ЕР.

Я думаю, В. М. Полтерович это и имеет в виду, когда говорит про нетерпение и бесов. Здесь я с ним солидарен (у нас есть совместная статья на эту тему³). Возможно, он слишком уповает на гражданское общество как на противоядие. Я в принципе не против, но думаю, что, пока его нет, просвещенный авторитаризм со сменой лидера каждые восемь лет, как в Китае, и с широким

и открытым обсуждением правоприменения гораздо полезнее.

Например, «фактическая национализация природной ренты, произошедшая после „дела ЮКОСа“», как пишет Яковлев⁴, на самом деле не произошла. Состояние всех олигархов (у нас миллиардеров больше 100), сейчас, по-моему, оценивается в 500 млрд долл. — $\frac{1}{3}$ ВВП. Вот где наша природная рента! Чтобы ее национализировать, нужны не негосударственные организации, а декреты власти (или революция). Если власть решится национализировать природные ресурсы, то она получит огромный выигрыш в глазах общественного мнения и поставит себя и оппозицию на естественное место. Правые окажутся защитниками не демократии, а интересов крупного капитала, власть будет посередине между народом и олигархами, а народ будет чувствовать, что демократия работает.

В. В. Дребенцов (член редакционного совета журнала «Экономическая политика»). Именно правительственные и прочие «либерал-технократы» время от времени добиваются проведения «непопулярных» реформ (то есть ненужных *сегодня* большинству наших сограждан, имеющих право голоса, в том числе многим из тех, кто вышел на митинги). В отличие от так называемых «государственников», которые знают «как надо» (им больше по душе различные нормативные, сиречь, мобилизационные государственные программы развития), у «либеральных технократов» нет ничего от «божественного» предвидения. Они лишь стараются способствовать (в том числе за счет доступных шагов на уровне правительства) созданию условий для того, чтобы что-то, в том числе гражданское общество, выросло само. Они не знают, что объединит «народ», «средний класс» и всех прочих, кто все еще предпочитает жить в России. Они просто видят, что в обществе, как и в природе, неизбежны развитие и эволюция (в которой застой — тоже шаг к негативному отбору — выбраковыванию). Можно создавать условия, способствующие формированию «лучшего человека», «лучшей экономики» и т. п., но нельзя заниматься евгеникой, в том числе социальной. Мы не вправе

³ Полтерович В. М., Попов В. В. Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 13–27.

⁴ Яковлев А. Массовые протесты в Москве сквозь призму исторических аналогий // Вопросы экономики. 2012. № 2. С. 153.

приписывать себе априорное знание того, как это «лучшее» будет выглядеть.

Должен признаться, что и я не знаю, какие идеи могут объединить нас «с нашей низкой готовностью тратить время на защиту собственных прав и еще более низкой склонностью к коллективным действиям». Какая-то небольшая (в масштабах страны) группа может объединиться, но большинство еще долго будет в лучшем случае просто стоять рядом, с любопытством и тайным замиранием «причастности» наблюдая за непонятно чем происходящим. Я это видел и у Белого дома в 1991 и 1993 гг., и на Болотной площади в декабре 2011 г. Чем дело кончится — не знаю. Ждать арестов (не на 15 суток) и стрельбы не хочется. Но исключить не могу. А почему нет — во имя блага будущих «лучших» поколений и устойчивости государственной «лодки»? И все снова пойдет по кругу. Так что, к сожалению, ни в прошедших, ни в грядущих митингах не вижу ничего нового для российской жизни.

Б. В. Кузнецов. В статье Яковлева поднят (имплицитно) ряд важных вопросов. Выделю только два. 1) «Болотные» митинги что-то означают? Они свидетельствуют о каких-то существенных социальных процессах или просто случайная флуктуация? У некоторых моих коллег есть мнение, что большинство участников митингов просто «погулять вышли» из любопытства. Иными словами, события на Болотной и у Белого дома в 1991 г. — явления одного порядка или совсем разные? 2) Возможна ли эволюционная реформа власти в сторону большей честности и эффективности, если «парни всей Земли» примкнут к движению «неопрогрессистов а la Russe»? Будет ли власть реагировать на выходки «рассерженных горожан»? И как? Это зависит от ответа на первый вопрос. На мой взгляд, она уже реагирует на рост протестных настроений и даже превентивно, задолго до митингов. Во всяком случае, радикальный рост затрат бюджета на силовые структуры и резкое повышение денежного довольствия военных и полицейских я трактую как такую превентивную реакцию. Последует ли иная реакция (реформаторская)? Если уж оставаться в рамках жанра исторических аналогий, то возможен ли переход от Николая Первого к Александру Второму без смены монарха?

Хочу возразить по поводу тезиса Попова о национализации природных ресурсов. Во-первых, национализировать уже нечего. Миф о «колоссальной стоимости российских природных ресурсов» столь же далек от реальности, как и бытовавшие мифы «о российском научном потенциале», «неограниченных возможностях советского ВПК» и др. Во-вторых, я согласен с Яковлевым, что в 2000-е годы фактически произошла национализация (вполне справедливая) значительной части если не ресурсов, то природной ренты не только при конфискации активов ЮКОСа, но главным образом через НДС и экспортные пошлины. 40% межбюджетных трансфертов в федеральном бюджете — это перераспределяемая властями национализированная природная рента. Не вся, конечно, поскольку значительная ее часть вторично приватизируется «распиливаясь» приближенным к власти бизнесом и представителями самой власти. Фактическая несменяемость власти, отсутствие политической конкуренции — один из факторов, не позволяющих ограничить аппетиты бюрократии. Я думаю, что дальнейшая национализация этой ренты будет иметь своим следствием лишь рост цен на недвижимость в Испании, Швейцарии и на Лазурном берегу. Чем дольше не работают естественные механизмы смены власти, тем больше шансов, что, когда она все-таки произойдет, к власти придут «братья-мусульмане» и прочие «бесы», по выражению Виктора Мееровича.

В. М. Полтерович. Я не думаю, что государственным надо противопоставлять «либерал-технократов». Если уж искать антоним к государственным, то термин Дж. Стиглица более точен: «рыночные фундаменталисты». Он пишет, что эти люди действуют вполне как большевики (значит, крайние государственники), только книги у них другие. Это они, извините, знают, как надо. Отпустим цены за одну ночь, приватизируем государственную собственность за полтора года, и все будет хорошо.

Я (как мне кажется) по большей части пишу о том, как *не надо*. Не надо ставить идеологию впереди исследования: там, где начинается идеология, заканчиваются экономическая наука и квалифицированная экспертиза. Не надо думать, что простые рецепты (снизим инфляцию, вступим в ВТО, уменьшим роль государства, etc.)

способны нам реально помочь. Я пишу не о готовой программе, а о новых институтах, постепенное внедрение которых при удачном стечении обстоятельств могло бы способствовать ее разработке.

Сейчас, после печального опыта реформ 1980—1990-х годов, в мире, кажется, не осталось экономистов, которые отводили бы государству лишь роль «ночного сторожа». Более того, развитые страны настойчиво ищут новые формы экономического взаимодействия государства, бизнеса и общества. Государственно-частное партнерство, Форсайт, европейские технологические платформы (ETPs), европейские технологические и инновационные платформы (ETIPs), агентства регионального экономического развития — вот лишь некоторые подобные институты, возникшие в Европе или получившие новый импульс к развитию в последние 15 лет. Но для решения задач догоняющей экономики их заимствовать недостаточно.

В. В. Дребенцов. В работе Яковлева говорится не только о политических процессах и исторических аналогиях. Мне кажется, что она была написана в продолжение идущей уже некоторое время под руководством Е. Г. Ясина дискуссии о применимости в России методологии Д. Норта⁵. Речь идет о возможностях перехода от закрытого общества к открытому, в частности, как этому будет способствовать согласие «прогрессистов» отдать заметную часть ренты (не обязательно сырьевой) силовикам для предотвращения масштабного разрушительного насилия. (Норт под насилием в основном понимает гражданскую войну между представителями различных групп интересов, имеющих доступ к инструментам насилия.)

На мой взгляд, говорить о гражданском обществе, справедливом и эффективном государстве и т. п. нельзя без обсуждения экономической политики. Поэтому обращение участников дискуссии к данной проблематике вполне оправданно. С моей точки зрения, важно признать, что конкуренция (и экономическая, и политическая) приводит к более высокой эффективности, чем монополия. Если

⁵ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.

хотите, можно это считать символом веры. Теперь по существу предложенных к обсуждению тезисов.

Согласен, нынешняя власть уже реагирует на протесты «рассерженных горожан», пенсионеров, жителей моногородов и других, готовых выйти на улицы. В основном реагирует «по-доброму», задабривая дополнительными свободами и (или) дополнительными выплатами из бюджета. Есть ли в этом хоть малейшая заслуга правительственных «либерал-технократов» или дело в чем-то еще?

Возможны ли мирная смена власти или ее реформаторское преобразование без смены монарха (или со сменой, но в рамках «фамильной династии»? Это один из самых интересных и насущных для России вопросов. Но и здесь не обойтись без обсуждения проблем экономической политики и приоритетов распределения ренты.

Позволю себе отступление на тему «национализации природной ренты», естественно, с позиции сырьевого сектора. В принципе, существующее в России распределение ренты справедливо. Бóльшая ее часть достается собственнику природных ресурсов — государству. Это не национализация, а нормальный способ распределения ренты. У сырьевиков только одно пожелание: чтобы ее нормально считали, не изымая заодно экономически обоснованную прибыль, и по возможности разрешали учитывать в прибыли рост долгосрочных предельных издержек. Возможную национализацию частных сырьевых компаний периодически путают с присвоением государством большей части природной ренты. Лучше обсуждать эти темы отдельно.

Еще одна тема для обсуждения — позиция российского бизнеса (а также иностранных инвесторов, причем настоящих, а не российских из офшоров) относительно политической повестки и экономической политики. В ряду, приведенном в работе Яковлева, целесообразно провести черту по делу Ходорковского. Высылка Гусинского и Березовского, осуждение Ходорковского имели и политический, и экономический (передел собственности) компоненты. Все, что было потом, — чисто экономическая (в основном рейдерская или воровская) повестка, иногда используемая (дело Магнитского) в политических целях. Такой водораздел может оказаться

полезным для оценки реформаторского потенциала общества.

Могут ли подобные дискуссии иметь практические результаты? Мне кажется, шанс на это есть, и связан он не столько с публичной пропагандой прогрессивных взглядов (что, конечно, полезно), сколько с помощью «либерал-технократам», работающим во властных структурах, в их усилиях реализовать повестку экономических реформ, которые со временем могут создать базу для формирования гражданского общества.

В. М. Полтерович. Конечно, нужно заимствовать эффективные западные институты, весь вопрос — в технологии заимствования. Мне кажется, основная беда и правительства, и оппозиции — отсутствие внятной стратегии, обоснованной и понятной обществу. И беда эта (если на минуту забыть об интересах), на мой взгляд, начинается с базовых понятий: что следует понимать под стратегией и ее обоснованием, что можно принимать на веру, а что следует доказывать.

До реформы 1990-х годов я тоже «верил» в конкуренцию. Сейчас я думаю, что рациональная степень конкурентности системы — это функция обстоятельств: уровня экономического и социального развития, массовой культуры, геополитической обстановки. Чтобы ответить на вопрос о рациональном соотношении рынка и государства, следует начать с сопоставления Индии и Китая, Украины и Белоруссии, Узбекистана и Киргизии. А потом обратиться к опыту стран «экономического чуда» (в частности, Сингапура) и к вопросу о том, почему так медленно формировались демократические институты в ныне развитых странах. При этом не следует забывать и про опыт демократизации в США. Как показывает анализ, эмпирические данные не согласуются с «символом веры» в безусловное преимущество свободной конкуренции, и этот факт очень важно иметь в виду, проектируя реформы.

Теперь о призыве помогать «либерал-технократам», работающим во властных структурах. Я готов помогать и правительству, и оппозиции — любому, кто намерен искренне выдвинуть продуманную, тщательно разработанную программу социально-экономического развития. Конечно, для ее подготовки хорошо бы объединить наши усилия, уточнив «символы веры». Собственно говоря,

это одна из задач Новой экономической ассоциации.

Р. С. Классики не рассматривали тезис о преимуществе конкуренции как аксиому. Достаточно вспомнить «Этику конкуренции» Ф. Найта — основоположника Чикагской (!) школы.

Б. В. Кузнецов. Мы, кажется, в весьма узком составе ухитрились смоделировать и «Болотную», и всю российскую оппозицию, продемонстрировав умение легко обнаруживать противоречия и полную неспособность находить точки соприкосновения. Мне представляется, что они существуют.

Во-первых, мы все хотим, чтобы в России стало лучше жить. Во-вторых, похоже, нас всех не устраивает политика нынешних властей, и мы готовы обсуждать способы ее изменения. Мы не очень верим, что политика («неправильная») властей определяется исключительно их невежеством и некомпетентностью, и достаточно указать им на ошибки, чтобы они с радостью последовали «правильным» рекомендациям. И обсуждаем мы не то, какие рекомендации надо дать, а то, какие институты могли бы заставить власть вообще выполнять какие-то рекомендации (или, по меньшей мере, прислушиваться к ним) и не руководствоваться только собственными корпоративными интересами. Если же мы хотим в очередной раз выработать «согласованные рекомендации по экономической политике», то меня увольте. *Я не знаю, как надо!*

Что касается «символов веры»: не очень люблю рассуждать в рамках заданной извне и необсуждаемой аксиоматики. Даже в геометрии Лобачевский и Риман показали, что аксиомы Евклида — не истина в последней инстанции. Тем более это верно в экономике. Все споры вокруг так называемых «общеизвестных» истин и аксиом возникают чаще всего потому, что для простоты опускают оговорку, которая исходно присутствует практически во всех таких утверждениях и теоремах: «при прочих равных условиях». Это относится, в частности, и к конкуренции. Неразрешимые конфликты возникают именно в отсутствие согласия по вопросу о «равенстве прочих». Тогда именно *это* и надо обсуждать, а не то, хороша конкуренция или плоха. И не вина, а беда МВФ и Всемирного банка, что их аксиоматика вынужденно облегченная

(чтобы слаборазвитые страны лучше понимали) по сравнению с академическими работами. Поэтому и возникают не просто лозунги, что конкуренция — всегда хорошо, но и более сильные — чем больше конкуренции, тем лучше. Итак, мой общий «символ веры» для данной дискуссии можно сформулировать так: «При прочих равных условиях, наличие выбора (товара, политика и т. д.) лучше, чем его отсутствие». NB: Я не говорю, что «чем больше выбор, тем лучше».

В. В. Попов. Давайте сузим тему, оставив на будущее вопрос об экономических реформах. Представим, что у нас была/есть сейчас рыночная экономика с авторитарным режимом. Вопрос в том, как лучше переходить к демократии. В политологии демократический режим с сильными институтами называется не просто демократией, а либеральной демократией, причем прилагательное «либеральная» здесь не менее важно, чем существительное «демократия». Либерализм означает гарантированность прав личности и экономических агентов — права собственности и исполнения контрактов, права кредиторов и должников, права на защиту жизни и достоинства личности и на справедливое судебное разбирательство. Права эти, разумеется, могут быть обеспечены только сильными институтами, прежде всего государственными, ибо «частной собственности без государства не бывает». Демократия добавляет к этим правам еще несколько — право на свободу слова и печати, право избирать и быть избранным и т. п. — важные, но не более важные, чем права, заключенные в понятии либерализма.

В соответствии с таким подходом Европа сначала стала либеральной и только потом — демократической. В XIX в. в европейских государствах права личности и фирм были в основном обеспечены, хотя демократическими эти страны нельзя было назвать: на рубеже веков более половины взрослого населения не имело право голоса из-за цензов оседлости и имущественных и других ограничений, а главное — потому, что женщины не допускались к голосованию. Первой европейской страной, где женщин допустили к избирательным урнам, стала Финляндия, — в начале XX в. это право было пожаловано лучшей половине населения тогдашней российской колонии не самым демократическим царским правительст-

вом. По тому же пути — от либерализма к демократии — шли (а некоторые все еще идут) и страны Восточной Азии, добившиеся в минувшие десятилетия впечатляющих экономических успехов. Может быть, наиболее убедительный пример — Гонконг, где британские колониальные власти стали вводить зачатки демократии только накануне передачи территории Китаю (но так и не успели завершить дело), что, однако, не помешало Гонконгу превзойти свою метрополию — родину демократии — по уровню экономического развития (ВВП на душу населения). И тогда, при англичанах, и теперь, после передачи Гонконга Китаю, при коммунистическом правительстве, закон и порядок в Гонконге остаются на высоте, недостижимой для большинства стран, хотя демократии как не было, так и нет.

По другому пути — сначала демократия, потом либерализм — пошли страны Латинской Америки, а затем — Африки. Для экономики демократия без либерализма, то есть без эффективных институтов, гарантирующих права экономических агентов, оказалась не слишком благоприятной средой: Африка и Латинская Америка в послевоенный период сдавали свои позиции в мировой экономике, отставая по темпам роста ВВП на душу населения. Именно тогда, в послевоенный период, наблюдалось становление так называемых нелиберальных демократий как массовый феномен (главным образом, в Латинской Америке и Африке, но в других регионах тоже — например, в Индии) — в основном демократических режимов, но не имеющих эффективных институтов для защиты либеральных прав.

В 1990-е годы к числу нелиберальных демократий добавились многие бывшие советские республики и страны Юго-Восточной Европы — со схожими последствиями для экономического развития. Собственно, страны Латинской Америки уже близки к созданию эффективных институтов, судя, скажем, по индексу доверия к органам государственной власти (он примерно такой же, как и в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке). А вот Африка и СНГ пока весьма далеки от этого, дальше, чем любые другие крупные регионы мировой экономики. В двух названных регионах либерализация не работает, и они не укладываются в рамки традиционной

экономической мудрости. В 1990-е годы только эти две группы стран продолжали удаляться от западных государств по уровню развития, и, похоже, эта тенденция сохранится в обозримом будущем (10–20 лет), пока не будут созданы эффективные институты, способные превратить нелиберальные демократии в либеральные.

Иными словами, демократизация без обеспечения законности и правопорядка на деле, нравится нам это или нет, плохо сказывается на экономической динамике, а иногда даже ведет к спаду производства. Это цена, которую приходится платить за раннюю политическую демократизацию, то есть за введение процедуры демократических выборов в то время, когда основные либеральные права в обществе еще не утвердились⁶. Готово ли общество платить эту цену — вопрос посильнее шекспировского. Позволю себе цитату из моей брошюры про Китай:

«„Лучше умереть свободным, чем жить в оковах“ — лозунг восстания Спартакса, повторявшийся с тех пор неоднократно в разных вариантах и на разных континентах. „Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!“ — писал Гете. Звучит здорово, но при буквальном прочтении, между прочим, получается, что остальные вроде бы и не достойны, их можно использовать как пушечное мясо. „Живи свободным или умри; смерть не худшее из зол“, — написал в 1809 г. генерал Джон Старк, герой американской Войны за независимость, а в 1945 г. легислатура американского штата Нью-Гэмпшир, откуда генерал родом, проголосовала за то, чтобы сделать его слова официальным девизом штата. Еще в США говорят „помни Аламо“ — форт в Техасе, защитники которого три раза отказались сдаться мексиканским войскам Санта-Анны и оборонялись до последнего под лозунгом „победа или смерть!“ Под похожим девизом „родина или смерть!“ воевали Куба и сандинисты.

Между тем большинство людей очевидно не готовы не то что умирать за демократию и свободу, но и, видимо, не согласились бы даже на серьезные экономические лишения (падение доходов на 10, 20, 30% в течение 10, 20,

30 лет), если бы их об этом спросили. Хотя на некоторое снижение доходов, может быть, и согласились бы. Помните, как в 1990–1992 гг. в Прибалтике обсуждали сначала отделение от СССР, а потом вхождение в СНГ: большинство, похоже, полностью отдавало себе отчет в том, что за импортируемые из России прежде за бесценок нефть и газ после независимости придется платить по мировым ценам и, следовательно, уровень жизни в ближайшие годы снизится, однако такая цена свободы тогда считалась приемлемой, да и сейчас об этом мало кто в Прибалтике жалеет»⁷.

Если не создать систему защиты прав фирм и личности и сразу вводить всеобщее избирательное право, то можно получить и Гитлера, и резню, как во время конфликта тутси и хуту в Руанде, и погромы христианских меньшинств, как недавно в Египте. Значит, сначала нужно обеспечить защиту прав меньшинств и только потом переходить ко всеобщему голосованию. В Греции, на Тайване, в Южной Корее, Испании, Португалии переход к демократии в 1970–1980-е годы прошел относительно безболезненно, «малой кровью», чего не скажешь о Латинской Америке, Африке южнее Сахары и постсоветском пространстве.

Как обеспечить гарантии прав меньшинств, личности, собственности и т. п. в рамках авторитарного режима (чтобы при введении демократии нельзя было закрыть мечети или превратить инородцев в рабов, даже если большинство за это проголосует)? Почему одни авторитарные режимы в этом преуспевают, а другие — нет? Вот здесь подход Норта и может быть полезен. Идея открытого доступа (open access) означает выстраивание баланса между институтами власти, что не равнозначно гражданскому обществу, на которое уповает Виктор Меерович, чтобы создавать противовесы. Скажу больше: КПСС после Сталина выполняла ту же роль, что и гражданское общество, — противовес КГБ и армии. Для этого и субботники проводились регулярно (не для уборки же городов) — проверка мобилизационной готовности, способности вывести на улицы в считанные часы миллионы членов партии. Для этого и дежурные в каждой крупной

⁶ См. подробнее: Полтерович В. М., Попов В. В. Указ. соч. С. 13–27.

⁷ Попов В. Три капельки воды. Заметки некапитана о Китае. М.: Дело, 2002.

парторганизации сидели на телефонах во время праздников: КГБ (или армия) совершит переворот, а партия через 5 часов выведет народ на «майdan» и ответит «цветной революцией». Яковлев, если я правильно понял, и предлагает искать пути обеспечения прав при нынешнем полуавторитарном режиме. Конструктивной прогрессистской идеей могло бы быть сокращение неравенства. При таком доходном и имущественном неравенстве демократия не работает. Отношение избирателей к идее демократии очень сильно коррелирует с доходным и имущественным неравенством — чем оно больше, тем отношение к ней хуже⁸. Может быть, мы все — либералы и государственники — могли бы предложить в качестве программы-минимум проект сокращения доходного неравенства.

И. В. Стародубровская (ИЭП имени Е. Т. Гайдара). У меня текущие события вызывают совсем другой ряд исторических ассоциаций. Если рассматривать общественные процессы конца 1980-х — 1990-х годов как крупномасштабную революцию (что мы с В. Мау попытались обосновать в нашей книге про великие революции⁹), то исторический опыт показывает, что после подобной глобальной ломки еще примерно 100 лет регулярно происходят более мелкие и более «верхушечные», но тем не менее вполне революционные потрясения. Собственно, они продолжают, пока в обществе не сгладятся вызванные революцией принципиальные разломы в системе ценностей (то, что подобные разломы существуют, демонстрирует даже данная дискуссия, при всем желании ее участников найти точки соприкосновения).

При этом хочу подчеркнуть, что революция в нашем понимании — не высшая форма классовая борьба, а кризис государства в результате его неспособности реагировать на новые вызовы. Другими словами, «старый режим» не падает под ударами восставших угнетенных,

⁸ Полтерович В., Попов В., Тонис А. Нестабильность демократии в странах, богатых ресурсами // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 12, № 2; Polterovich V., Popov V., Tonis A. Instability of Democracy as Resource Curse // NES Working Paper. 2009. No WP/2009.

⁹ Мау В. А., Стародубровская И. В. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.

а разваливается изнутри в результате конфликта элит, финансового кризиса и начавшихся метаний между противоположными политическими линиями. Все последующие процессы развиваются уже в условиях неуправляемости. У меня происходящее вызывает ассоциации скорее с 1830 г. во Франции. Рассмотрение процесса в логике революции позволяет сделать несколько комментариев о возможных перспективах.

Во-первых, революция должна быть либерализационной. Так, французские историки отмечают, что средневековые отношения реально разрушила не Великая Французская революция, а революция 1830 г. Но у нас действует ряд отсутствовавших в предыдущие революционные периоды факторов, в частности нефтяная рента. Не удивлюсь, если именно сейчас нам придется пройти через период левого популизма и, возможно, усиливающегося национализма власти. Очень хотелось бы этой напасти избежать, но не уверена, что удастся.

Во-вторых, бессмысленно надеяться, что оппозиция в своем нынешнем виде сумеет договориться о внятной позитивной программе. Как в начале любой революции, это объединение «против», и оно неизбежно развалится, если на повестке дня реально встанет вопрос о путях дальнейшего развития страны.

В-третьих, многое будет зависеть от двух факторов: насколько элита начнет раскалываться, а власть — метаться под воздействием реальных и мнимых угроз, которые несет протестное движение, и какой будет экономическая ситуация? Есть ощущение, что раскол в элите происходит. Но насколько он глубок, сказать сложно. С экономикой все непонятно. У меня давно возникло ощущение, что нынешняя власть способна рухнуть и в условиях высоких цен на нефть, но произойдет это явно не завтра. Возможны два сценария развития событий: режим попытается закрутить гайки или пойдет на переговоры с оппозицией. Любой из них может перерасти или не перерасти в революцию.

Б. В. Кузнецов. Попов задает вопрос: «Как обеспечить гарантии прав меньшинств, личности, собственности и т. п. в рамках авторитарного режима? Вот здесь подход Норта и может быть полезен». Согласен частично. Это *один* из вопросов, которые можно обсуждать. Только я бы говорил в первую очередь о создании

гарантий прав вообще. С меньшинствами сложнее. Это уже признак развитой демократии, с которым даже в странах — «оплотах демократии» не так все просто, поскольку именно большинство решает, какие права и каких меньшинств должны быть гарантированы. Но я искренне не понимаю, как можно гарантировать права при авторитарном режиме? Сам по себе авторитаризм предполагает, что если власть-«гарант» хочет соблюсти какие-то права, она это делает, не хочет — не делает. Иначе какой же это авторитаризм?

Согласно Попову, «конструктивной прогрессивной идеей могло бы быть сокращение неравенства. Демократия при таком доходном и имущественном неравенстве не работает». Вопрос о связи между неравенством и демократией — в более широкой постановке между неравенством и развитием — представляет значительный интерес. Неравенство (как и равенство) может быть — в зависимости от его масштабов и (главное) механизмов — как драйвером, так и барьером для прогресса. Безусловно, крайнее неравенство (при демократии) стимулирует ощущение несправедливости, но точно так же, как и при авторитаризме. Может быть, дело в том, что сильное неравенство обычно означает застойную массовую бедность, люмпенизацию значительной части населения. А люмпенам, естественно, невыгодно сложившееся «соблюдение прав», при котором их шансы изменить ситуацию близки к нулю. Переход к авторитаризму — самый простой способ изменить «правила игры».

Но, как показывает история, это же могут сделать и демократические механизмы. Например, драконовские налоги на наследство в ряде стран Запада в определенной степени нарушают права собственности, но это демократический ответ на вызовы неравенства. Мера таких уступок — компромисс между социальным неравенством и гарантией прав — и есть результат развитой демократии, к которому политики приходят в конкурентной борьбе методом проб и ошибок. Но самая лучшая демократия не обязательно ведет к снижению неравенства, как и авторитаризм не обязательно сопровождается уравниловкой.

В чем причина высокого неравенства в России? Дело, наверное, не только и не столько в стартовых условиях (ре-

формах начала 1990-х годов), включая приватизацию, поскольку это неравенство *воспроизводится* и не снижается со временем. Полагаю, что это обусловлено отсутствием гарантий прав или, по Полтеровичу и Попову, правопорядка. Отсутствие правопорядка, плохие институты означают высокую неопределенность и высокие предпринимательские риски. Это приводит к закладыванию высокой маржи (прибыльности). Только ожидание *очень* высокой прибыльности может заставить что-то предпринимать. Вместе с тем даже при высоких рисках *средняя* доходность предпринимательской деятельности все равно остается низкой. Правда, у тех, кто выиграл, доходы оказываются аномально высокими.

Конечно, если бы работал случайный механизм рулетки и риски у всех были бы одинаковы, то со временем все бы выровнялось — сегодня я выиграл много, а ты проиграл, завтра — наоборот. Но если несоблюдение прав не случайно? Если одни постоянно выигрывают, а другие постоянно проигрывают? Тогда прибыль и богатство накапливаются на одном полюсе, а проигрыши — на другом. Кто же может обеспечить не случайность нарушения прав? Естественно, их гарант, в нашем случае (при отсутствии независимой судебной системы) — государство. И не в целом, а отдельные его представители. Другими словами, берете крупье в долю — и все в порядке, не берете — всегда будете в минусе. Беда в том, что в такой ситуации крупье не заинтересован в снижении рисков, поскольку это прямо сокращает его долю. Кто же может на него повлиять? Либо хозяин казино (в авторитарном варианте), либо демократические процедуры, в которых участвуют все игроки. Можно, безусловно, запретить всем играть, кроме самого хозяина, отобрать у игроков фишки и раздать «государевым людям». Но вряд ли это что-нибудь изменит: государственные проекты, программы в условиях отсутствия правопорядка превращаются в игру с такими же высокими рисками (если украду и не поймают, то буду богат, но чтобы не поймали, надо взять крупье в долю). Поэтому протестные настроения «среднего класса», которые являются или хотя бы игроками, и концентрируются вокруг «честности», в данном конкретном случае — вокруг честности выборов.

В. В. Дребенцов. Если в стране отсутствует неравенство, там не будет агрессии по отношению к «понаехавшим»? А как же крайне правые в Австрии? А, мягко говоря, нелюбовь к мусульманам в Швеции? Наконец, вспомним недавний случай массового убийства в Норвегии. Так что мы хотим доказать?

Продолжаю считать, в отличие от Полтеровича и Попова, что ни шоковой терапии в России не было (за частичным исключением либерализации цен, но и об этом при сохраняющемся контроле цен ЖКХ можно говорить лишь с оговорками), ни попыток напрямую пересадить в Россию западные институты. Наоборот, в стране все время изобретали паллиативные (second best) решения, чтобы учесть ее специфику (недоразвитость): фискальная политика с упором на легко собираемые налоги с продаж (а не прибыли) ресурсных компаний; специальные экономические зоны, программы государственной поддержки внутренней миграции, промышленной политики и т. д.

Вопрос о том, конкуренция — это аксиома или нет, стоит рассматривать с точки зрения конечной цели экономических преобразований. Если считать, что конкуренции может быть слишком много и в конечной точке, то «в пределе» придется признать, что лучший вид конкуренции — монополия. С этим я согласиться не могу.

А вот с тем, что нужно адаптировать и внедрять в России рыночные институты, согласен — про то и речь. Хотелось бы только, чтобы в результате адаптации к российским условиям из «Ягуара» у нас, как всегда, не получились «Жигули». Если митинги помогут подтолкнуть правительство к этому (особенно к поощрению и поддержке частной инициативы, а не к заданию ей «стратегических ориентиров») или приведут к власти принципиально новое, либеральное правительство — хорошо. Но пока первого что-то не видно, а второго — тем более. Последние инициативы (Агентство стратегических инициатив, Агентство прямых инвестиций) лежат в рамках прежней, «государственно-центрической» парадигмы развития. Да и то, что новое правительство, судя по всему, выберет из рекомендаций экспертов, разработавших

предложения к изменению Программы долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г., по-моему, далеко от этого не уйдет. Тем ценнее те структурные и макроэкономические новации, приближающие нас к «нормальному» открытому обществу с рыночной экономикой, на которые правительство по тем или иным причинам будет согласено или вынуждено пойти. Согласен с В. М. Полтеровичем — задача экспертного сообщества в том, чтобы постараться предложить те формы адаптации институтов, которые в наибольшей степени соответствовали бы нынешнему уровню развития России.

А. А. Яковлев (НИУ ВШЭ). Я хотел бы поблагодарить всех коллег за содержательную реакцию на мою статью и состоявшийся обмен мнениями, а также редакцию журнала «Вопросы экономики» за готовность оперативно опубликовать материалы этого заочного круглого стола. Для меня лично он был очень интересен как отражение «состояния умов» в нашем экспертном и академическом сообществе. Надеюсь, что важные и ценные мысли, высказанные коллегами в этой дискуссии, будут также интересны читателям журнала. Со своей стороны, в заключение хочу отметить, что при кажущейся стабильности последних лет на самом деле мы живем в период бурных перемен в общественной и политической жизни. Кризис 2008—2009 гг. показал неэффективность модели управления экономикой, сложившейся в России в 2000-е годы, и породил спрос на новые идеи в сфере экономической политики. При этом массовые протесты конца 2011 г., на мой взгляд, привели к ситуации, когда власть оказалась готова серьезно менять политику и учитывать интересы граждан и экономических агентов. В этих условиях от экспертного сообщества требуется объективный, непредвзятый взгляд на происходящее — с выработкой для власти, бизнеса и общества прагматической повестки дня, основанной не на идеологии, а на результатах исследований. Я надеюсь, что данное обсуждение будет служить этой цели.

*Материал к публикации
подготовил С. Винокур*